

I.3. Ксенофобия и конспирология

Майкл Кирквуд

Понятие идеологии в творчестве Александра Зиновьева*

Творчество Александра Зиновьева занимает на полках моего книжного шкафа по крайней мере полтора (если не два) метра места, поэтому само собой разумеется, что в рамках краткого доклада вряд ли возможно представить данную тему исчерпывающим образом. Таким образом, я ограничусь лишь некоторыми, как мне кажется, важными вехами на пути равертывания зиновьевской концепции идеологии в течение тридцати лет, начиная с издания *Зияющих высот*¹ и заканчивая изданием *Фактора понимания*².

В этом отношении удобно установить некоторую периодизацию для наблюдения за тем, как именно развиваются взгляды автора на роль и важность идеологии в течение его работы. Я считаю это нужным по двум причинам: во-первых, я хочу передать его заявления в историческом моменте их появления, и, во-вторых, я хотел бы, чтобы читатель имел возможность ознакомиться с эволюцией авторской мысли.

Эту периодизацию, на мой взгляд, можно условно разделить на четыре этапа, а именно:

- 1) так называемый «советский период» (примерно 1976-1986 годы);
- 2) период «растерянности» (1987-1990);
- 3) постсоветский период (1991-1995);
- 4) глобализация и наступающее (а может быть и наступившее) сверхобщество (1996-2006).

Мой главный тезис заключается в следующем: изучение произведений Александра Зиновьева позволяет сделать вывод о том, что он постепенно переходил с позиции разоблачения (по его словам) язв коммунизма и желания предостеречь Запад от усиливающейся угрозы победы коммунизма на всей планете на позицию защитника достижений советского коммунизма и борца с наступающим (как он считал) порабощением планеты со стороны Запада под эгидой США. Первую

---

* Статья ранее публиковалась в сборнике *Александр Александрович Зиновьев* (Под. ред. А.А. Гусейнова. М., 2009. С. 271-307).

¹ Зиновьев А. *Зияющие высоты*. Lausanne, 1978.

² Он же. *Фактор понимания*. М., 2006.

позицию защищает «объективное» произведение *Коммунизм как реальность*³, а вторую «объективное» произведение *Запад: Феномен Западнизма*⁴. У обоих этих произведений есть «субъективные» партнеры, а именно *Зияющие высоты* и *Глобальный человек*⁵.

1. Советский период (1976-1986)

Приступая к защите данного тезиса в рамках дискуссии об идеологии, можно констатировать радикальное изменение в позиции Александра Зиновьева. Возьмем сначала количественный момент. В своих ранних произведениях (*Зияющие высоты*, *Записки ночного сторожа*⁶, *В преддверии рая*⁷, *Мы и запад*⁸, *Без иллюзий*⁹, *Коммунизм как реальность*) он защищает следующую точку зрения: идеология в коммунистическом обществе играет такую роль, что подобное общество можно охарактеризовать как общество идеологическое. В других произведениях этого периода (*Гомо советикус*¹⁰, *Мой дом – моя чужбина*¹¹, *Пара беллум*¹², *Рука кремля*¹³, *Der Staatsfreier*¹⁴) автор предостерегает Запад от нарастающей силы идеологического врага и высмеивает слепоту западных специалистов перед явной опасностью. Следует помнить, что в этом периоде Зиновьев считал Запад защитником цивилизации. Вот, например, что говорит Учитель в *Желтом доме*¹⁵: «Подчеркиваю, основная задача этого [коммунистического] общества – создание внутри себя и вокруг себя идеологического поля... И преступно недооценивать идеологическую опасность, которую мы несем миру»¹⁶.

³ Он же. *Коммунизм как реальность*. Lausanne, 1981.

⁴ Он же. *Запад*. М., 1995.

⁵ Он же. *Глобальный человек*. М., 1997. Хотелось бы отметить, что Зиновьев всегда обращал наше внимание на то, что в обоих обществах (коммунистическом и западнискском) существуют и коммунистические, и западнискские элементы, но что важно не это, а их сравнительное распределение по обеим системам в разных объемах.

⁶ Он же. *Записки ночного сторожа*. Lausanne, 1979.

⁷ Он же. *В преддверии рая*. Lausanne, 1979.

⁸ Он же. *Мы и Запад*. Lausanne, 1981.

⁹ Он же. *Без иллюзий*. Lausanne, 1979.

¹⁰ Он же. *Гомо советикус*. Lausanne, 1982.

¹¹ Он же. *Мой дом – моя чужбина*. Lausanne, 1982.

¹² Он же. *Пара беллум*. Lausanne, 1986.

¹³ Он же. *Рука кремля* // *Континент*. 1986. № 47. С. 137-84.

¹⁴ Он же. *Der Staatsfreier*. Zürich, 1986.

¹⁵ Он же. *Желтый дом*. Lausanne, 1980.

¹⁶ *Желтый дом*. Т. 1. С. 48-49.

Сам автор утверждает следующее: «Идеология играет в коммунистическом обществе настолько значительную роль, что это общество можно рассматривать как общество идеологическое»¹⁷.

В завершение представления советского периода хотелось бы привести следующее заявление Зиновьева, которое может считаться экзemplярным: «Коммунизм существует по законам падения, цивилизация же есть полет, использующий законы падения, но противостоящий им... Борьба против коммунистической тенденции – в интересах всех.... Лишь благодаря непрерывному сопротивлению коммунистической тенденции (а не уничтожению ее, что невозможно в живом обществе) цивилизация может сохраниться и продолжиться»¹⁸.

2. Период «растерянности» (1987-1990)

Я определяю эти годы как период растерянности потому, что, на мой взгляд, Александр Зиновьев столкнулся в это время с событиями, которые он не только не предвидел, но даже и исключал как теоретически невозможные¹⁹.

Михаил Горбачев пришел к власти в 1985 году, задолго до того, как озабоченность Александра Зиновьева будущим западной цивилизации достигла своего апогея²⁰. В *Горбачевизме* автор анализирует такие ключевые нововведения как, например, Гласность. Зиновьев считает этот феномен примером советской манипуляции западной склонности истолковывать советские явления через призму западных оценочных критериев. В это время он практически ничего не говорит об опасности Гласности для монолитной, централизованной государственной власти. Зиновьев считал, что горбачевские реформы – будучи попытками решить коммунистические проблемы капиталистическими методами – потерпят неудачу.

---

¹⁷ Коммунизм как реальность. С. 195.

¹⁸ Там же. С. 22

¹⁹ В данной части моей статьи я ссылаюсь на следующие публикации автора, появившиеся в эти годы: Zinoviev A. *Le Gorbatchevisme ou les pouvoirs d'une illusion*. Lausanne, 1987; Sinowjew A. *Ich bin für mich selbst ein Staat*. Zürich, 1987; Зиновьев А. С чего начать? // *Континент*. 1987. № 51. С. 219-239; он же. Научная критика коммунизма // *Континент*. 1987. № 53. С. 221-242; Sinowjew A. *Katastroika: Gorbatschows Potemkinsche Dörfer*. Frankfurt/M. 1988; Зиновьев А. *Горбачевизм*. N.Y., 1988; он же. *Живи!* Lausanne, 1989; он же. *Манифест социальной оппозиции* // *Континент*. 1989. № 60. С. 207-31; он же. *Катастроика: Повесть о перестройке в Партграде*. Lausanne, 1990; Zinoviev A. *Il superpotere in URSS: il comunismo e veramente tramontato?* Milan, 1990; Зиновьев А. Я хочу рассказать вам о Западе // *Комсомольская правда*. 1990. 15 сентября и другие.

²⁰ Данное утверждение основывается на следующих публикациях: Sinowjew A. *Jede Abrüstung ist nur Umrüstung* // *Schweizerische Handelszeitung*. 1988. 28 Januar.; Zinoviev A. *Gorbatchev, je ne miserai pas un sou sur lui* // *Paris Match*. 1988. Mars. P. 20-21; Cheneseau X. *Conversation avec Alexandre Zinoviev* // *Panorama: Le mensuel chrétien*. 1998. Juin. P. 48-53, 82.

Чего он не предвидел, так это молниеносно быстрого и полного развала государственной идеологии. Зиновьев считал, что государственный идеологический аппарат незыблем. Как оказалось, «конкуренция» в области печати и средств массовой информации быстро привела к ситуации, в которой тексты, отражающие официальную идеологию, исчезали ускоренными темпами.

По мере того, как горбачевские реформы наносили все более значительный ущерб советскому строю, Александр Зиновьев все больше беспокоился о возможных последствиях, хотя еще и верил в то, что коммунистический строй выстоит. Тем не менее, его озабоченность выражается в язвительной критике горбачевизма на страницах *Катастрофы*. Развал официальной советской идеологии заставляет его коренным образом изменить свою оценку влияния западной идеологии на Советский Союз.

Эту коренную переоценку он излагает в *Кризисе коммунизма*. Этот кризис он рассматривает на фоне «реального» (как пишет Зиновьев) коммунизма, в подробностях описанного в предыдущих произведениях, в частности и как кризис в идеологическом плане. По Зиновьеву, уже во время Хрущева был кризис в идеологии. Сталинская идеология была вполне адекватна для необразованного населения, но она совсем не подходила для весьма образованного населения послесталинского периода. Зиновьев утверждает, что введение Суловым политики осуждения «сталинской вульгаризации философии», допускающей дискуссии по западной философии и культуре, до некоторой степени укрепляло статус идеологии, но в то же время и подрывало авторитет марксизма-ленинизма. В брежневские годы кризис усилился до того, что стал подрывать статус марксизма-ленинизма как идеологии коммунизма.

Исходя из того, как Зиновьев трактовал официальную идеологию в своих ранних произведениях, можно было прийти к выводу, что он будет приветствовать ее исчезновение. Этого не произошло. Зиновьев пишет в *Кризисе коммунизма*: «Важнейшей особенностью идеологического кризиса является то, что неверие в марксистские идеалы и отказ от марксизма-ленинизма как от руководства к действию захватили самые верхи правящего слоя. Дискредитация идеологии стала стимулироваться сверху, – такого советская история еще не знала. И это не смотря на то, что положения марксизма-ленинизма могли бы как никогда послужить путеводной звездой в современной запутанной ситуации в мире. Коммунисты предали марксизм-ленинизм именно тогда, когда на нем стоило настаивать особенно упорно»²¹.

Чем объясняется этот резкий поворот в зиновьевской оценке официальной идеологии? На мой взгляд, не будет преувеличением заявить, что Зиновьев был глубоко потрясен неожиданной скоростью, с которой стал разваливаться советский коммунистический строй. В 1985 году он считал невозможным крах совет-

---

²¹ Зиновьев А. Кризис коммунизма. М., 1994. С. 414.

ского строя в течение следующих пяти тысяч лет, не говоря уже о ближайших пяти лет. Этот крах был не только неожидан, но может быть даже и затруднителен для Зиновьева. Внезапно он оказался стоящим перед серьезной познавательной проблемой, нуждающейся в срочном научном толковании. Толкование будет, и срочное и долговременное. В эти годы отношение Зиновьева к Западу изменяется довольно быстро и коренным образом. Ранние критические заявления в адрес Запада, очерченные на страницах *Без иллюзий*, будут развиваться и дополняться к концу «периода растерянности» в таких публикациях как «Я хочу рассказать вам о Западе». Отныне Зиновьев посвятит себя анализу Запада, который по объему и многогранности догонит, если не перегонит, его анализ советского коммунизма.

3. Постсоветский период (1991-1995)

В эти годы Зиновьев углубляет свой анализ Запада и продолжает следить за тем, что происходит «на родине». Эти две линии исследования находят свое воплощение в следующих произведениях: работы *Запад: Феномен западнизма и Глобальный человек*, естественно, относятся к западу, тогда как события на родине отражаются и комментируются в произведениях *Посткоммунистическая Россия*²², *Распутье*²³ и *Русский эксперимент*²⁴.

Дискуссия о понятии идеологии в произведениях этого периода проходит на фоне зиновьевской переориентации во взглядах. До конца своей жизни он будет вести идеологическую войну против Запада в непрекращающемся потоке публикаций: книги, статьи, интервью, в которых он развивает, углубляет, расширяет и повторяет следующие тезисы: Советский Союз был предан высшим руководством; Запад победил в «Холодной войне» [что было большой неожиданностью для Александра Зиновьева]; Запад всегда стремился и стремится к колонизации России и уничтожению ее статуса великой державы, даже к исчезновению ее «со сцены истории»; Запад стремится колонизировать планету в своих интересах; Западная идеология загрязняет планету интеллектуально, с целью оболванивания населения до такой степени, чтобы стало невозможным какое бы ни было разумное сопротивление.

На страницах книги *Запад* Зиновьев разрабатывает свою концепцию о «западнистской» идеологии. На мой взгляд, ему не удалось найти убедительное научное определение. Аморфность, хаотичность и неподконтрольность так называе-

²² Он же. Пост-коммунистическая Россия: Публицистика 1991-1995 гг. М., 1996.

²³ Он же. Распутье. М., 2005. Данное произведение является сборником избранной публицистики автора, охватывающим период с 1978 по 1995 год.

²⁴ Он же. Русский эксперимент. М., 1995.

мой «западнистской» идеологии делают ее неопределяемой. Что понимается, например, под «единством западнистского идеологического плюрализма»²⁵? Гораздо критичнее можно относиться к следующему феномену. Зиновьев неоднократно заявляет, что отсутствие единой государственной идеологии и государственного идеологического аппарата не означает, что не существуют другие средства оболванивания населения. Западнистский идеологический механизм был, по мнению Зиновьева, гораздо эффективнее советского. Под этим подразумевается не только среднестатистический гражданин, но и профессиональные социологи. Автор заявляет следующее: «Почти все, что мне приходилось читать, смотреть и слушать о Западе, либо имело откровенно идеологический характер, либо было пропитано идеологией, либо вынуждало к определенным идеологическим выводам. Например, даже в вульгарной газетной пропаганде редко можно было встретить такие восторженные дифирамбы частной собственности, капитализму и прочим атрибутам западнизма, как в претендующих на высшую научность книгах Хайека, Поппера и других представителей идеологической элиты Запада»²⁶. Что это такое? Наука или идеология? Возникает впечатление, что ученых на Западе нет. Есть только представители идеологической элиты. Вряд ли это соответствует действительности.

В одном отношении Зиновьев отдает должное западнистской идеологии: она гораздо мощнее официальной советской идеологии. Если раньше Зиновьев определял советское общество как общество идеологическое, то теперь он считает, что средства на Западе, выделенные на западнистское идеологическое оболванивание западного населения, на сотни раз превосходят советские.

Идеологический вакуум, возникший в России после развала коммунизма, привел Зиновьева в отчаяние. В 1995 году он следующим образом описывал состояние страны: «Существующий идеологический беспредел, который со временем может быть истолкован как западный плюрализм на российской почве. Усиление православия. Тоска по всесильной «национальной идее». Конъюнктурные лозунги вроде призыва сплотиться перед лицом мирового терроризма. Пустословие партийных программ, обещающих бороться за все хорошее против всего плохого. Эпоха, когда умами и чувствами россиян владели идеи глобального и эпохального масштаба, безвозвратно ушла в прошлое. Эпоха, осужденная и оплеванная неблагодарными потомками, но не понятая в ее трагическом величии»²⁷.

---

²⁵ Он же. Запад. М., 1995. С. 279.

²⁶ Там же. С. 273.

²⁷ Он же. Распутье. С. 247.

4. Глобализация и наступающее сверхобщество (1996-2006)

Книга *Запад* – воплощение попытки Зиновьева найти объяснение событиям, которые он не смог предвидеть, а именно победы Запада над коммунизмом и развала Советского Союза. Последствия этой победы для него ясны: западнистская идеология восторжествовала; коммунизм как альтернатива западнизму ушел с мировой сцены на обозримое будущее. Обозримое будущее – это колонизация планеты Западом под маской «глобализации» (чисто идеологическое понятие по Зиновьеву, придуманное Западом, в частности Соединенными Штатами). Он предвидит становление «сверхобщества», «сверхгосударства», «сверхэкономики» под игом «денежного тоталитаризма» и «сверхвласти», пропитанных «западнистской сверхидеологией».

Зиновьев разрабатывает эти теории в ряде произведений, которые появляются в поздние девяностые годы прошлого и ранние годы нынешнего века²⁸. Колоссальная энергия и преданность делу, которыми насыщены эти произведения, объясняются тем, что Александр Зиновьев стремился не только к выявлению причин так называемого «величайшего исторического перелома», но и к беспрепятственному сопротивлению наступающей западнистской глобализации планеты. Не исключена даже такая возможность, что сам Александр Зиновьев испытывал чувство личной ответственности, как будто он хотел исправить тем самым свои прежние (ошибочные) суждения.

Как иначе объяснить следующие заявления персонажа Писатель в *Русском эксперименте*, при разговоре с Философом (реплики Философа я пропускаю): «Я же за эти пятнадцать лет изменился в понимании реальности и в оценке своего поведения. Ведь это же факт, что я был критически настроен к нашему, советскому обществу. Я принимал достоинства нашего общества за нечто само собой разумеющееся и акцентировал внимание на его недостатках. Я испытал на себе влияние западной и диссидентской пропаганды. Я претендовал на научное понимание реальности и стремился к нему. Я написал книгу с такой претензией. Что ее отвергли у нас, это понятно. Но ведь она имела большой успех на Западе. Почему? Ты думаешь, благодаря научности? Так ведь те, кто претендовал на научность, отнеслись к ней враждебно. Дело в том, что в ней сказались и даже вышли на первый план мои умонастроения тех лет, а они были в духе установок наших врагов. Лишь в эмиграции у меня изменилась ориентация внимания настолько, что я смог отбросить все свои субъективные умонастроения "диссидент-

---

²⁸ Среди этих публикаций я ссылаюсь на следующие: Зиновьев А. На пути к сверхобществу. М., 2000; он же. Логическая социология. М., 2002; он же. Идеология партии будущего. М., 2003; он же. Логический интеллект. М., 2005; он же. Фактор понимания. М., 2006.

ских" лет и посмотреть на советское (коммунистическое) общество более объективно, ближе к моей установке на научность»²⁹.

Как бы то ни было, зиновьевское сопротивление западнистской идеологии развивается по двум линиям. Он придумывает новую социологию и новую идеологию, основанные на принципах многозначной логики. Логическая социология содержит три компонента: определение терминов; мысленный (т.е. не лабораторный) эксперимент; и социальную комбинаторику. Логическая социология занимается не фактами как таковыми, а логической переработкой терминов в области общественных наук и открытием логико-математических формул, которые будут способствовать пониманию социологических явлений, так называемых социальных объектов. Эта новая наука потребует высококвалифицированных персонажей-специалистов в областях и логики и социологии. Как видно – задача не из простейших.

Новая идеология также основана на принципах логической социологии и рассматривается Зиновьевым как противовес западнистской идеологии. Последняя якобы уничтожила альтернативный путь эволюции человечества. Отсутствие советского противовеса западнистскому давлению позволило западнизму засорить планету в идеологическом, интеллектуальном и буквальном смысле. Единственное жизнеспособное альтернативное общество – коммунистическое. Его необходимо воссоздать и улучшить на основе научного исследования колоссального практического опыта реальных коммунистических стран (в первую очередь Советского Союза). Одновременно с этим требуется провести такой же научный анализ, чтобы с помощью объективных социальных законов определить, каким образом назревают анти-западнистские умонастроения на самом западе.

Насколько я понимаю замысел автора, новая идеология будет «научной». Но ведь сам Зиновьев неоднократно доказывал, что идеология в принципе не может быть наукой. Наукообразной – да, а наукой – нет. Тем не менее, проект новой идеологии основан на новой теоретической почве. На страницах *Идеологии партии будущего* вводятся новые понятия, которых, насколько мне известно, не было в ранних произведениях автора, написанных в советский период: «социальные объекты», «человеиник», «менталитетная сфера общества», «клеточка идеологии». На мой взгляд, авторский замысел включает в себя попытку определить идейное пространство, в котором уместятся не только идеология централизованного типа, но и идеология, характеризующаяся аморфностью, т.е. идеология западнистского типа. Автор предвидит трудные моменты: разработка новой идеологии потребует высокообразованных участников и она должна будет привлечь всех тех, кто недоволен западнистским образом жизни. Он перечисляет многочисленные проблемы, касающиеся принятия новой идеологии, превращения ее в программу сопротивления западнизму, поощрения нового социального «антипо-

---

²⁹ Он же. Русский эксперимент. С. 52-53.

да» западнистскому обществу, которое должно быть коммунистического типа, и так далее.

Проанализировав все рекомендации автора по отношению к новой социологии, новой идеологии и новой партии, я пришел к следующему выводу: борьба, к которой он призывает, будет длинной, ожесточенной. Предвидится разбросанная, но хорошо дисциплинированная группа революционеров, сплоченная вокруг центральной идеи новой идеологии – разгром западнистского строя и восстановление альтернативы. (В скобках замечу: увы, такая организация уже существует и она называется «Аль-Каида».)

Кульминацией нового мышления Александра Зиновьева является его монументальный (и последний) труд *Фактор понимания*. В нем он детальнейшим образом излагает новую «большую теорию» об обществе, начиная с основ интеллектологии и логической социологии и заканчивая философскими умозаключениями о прошлом и будущем. Это амбициозный труд, в котором помимо всего прочего Зиновьев развивает и систематизирует свои идеи об «идеосфере», в которой могут сосуществовать разнородные идеологии, в том числе как идеология централизованная, например марксизм-ленинизм, так и идеология аморфная, как западнизм. На мой взгляд, данное понятие «идеосферы» является авторским решением проблемы научного определения так называемой «западнистской идеологии». С моей точки зрения, такого явления как «западнистская идеология» не существует. На мой взгляд, гораздо правильнее было бы говорить о западнистской культуре (пусть и с маленькой буквы).

В заключение хотелось бы заметить следующее: несмотря на мое несогласие с некоторыми постулатами Александра Зиновьева, я полностью разделяю его мнение о недостатках глобализации. Другой вопрос: как выглядел бы сегодняшний мир, если бы в Холодной войне победителем стал Советский Союз?